

Дань Чао лежал в горячем источнике, глядя на роскошный и пышный сад перед собой, изящную и утонченную беседку у воды, а также на Се Юня, который мирно спал, улегшись на ложе из лисьей шкуры неподалеку, и внезапно охватило чувство абсурдности и нереальности происходящего.

Он предполагал несколько возможных исходов своего визита в Дом Се. Худший — что его тут же запрут, лучший — что он едва сможет войти, задаст несколько вопросов при встрече, после чего Се Юнь выгонит его на улицу.

Но ни в коем случае не такой: находиться в горячем источнике во внутреннем поместье Дома Се и воочию наблюдать, как командующий императорской гвардией в нескольких шагах от него просто так заснул.

Дань Чао поднялся и подошел к краю бассейна, стараясь не издавать шума, перешагнул через нефритовую стенку и бросил мокрую монашескую рясу на землю. На золотом подносе, который ранее принесли младшие служанки, лежали, казалось, чистые банные полотенца и одежда. Дань Чао кое-как вытерся, оделся и вдруг ощутил, как все меридианы и акупунктурные точки в его теле действительно раскрылись, наполнив его невыразимым блаженством.

Он поднялся в беседку. Се Юнь не шевелился, на ложе раздавалось глубокое, размеренное дыхание.

Дань Чао ни на секунду не сомневался: если бы сейчас в саду внезапно появился убийца, пытающийся лишить жизни Се Юня, то до того, как подросла бы стража, голова убийцы была бы сорвана Се Юнем и брошена на землю.

Однако по крайней мере в этот момент командующий императорской гвардией во сне выглядел очень безмятежным и спокойным, возможно, даже с едва уловимой усталостью.

Дань Чао и сам не понял, о чем думал, и даже не осознавал, что делает. Когда он опомнился, то обнаружил, что уже подошел к ложу, встал рядом и, положив руку на меридианы на задней части плеча Се Юня, начал их разминать.

Дань Чао не учился массажу, но у практикующего боевые искусства сила в руках велика, внутренняя энергия через ладони проникала в меридианы под кожей, создавая ощущение легкого тепла. Застывшие и поврежденные меридианы под воздействием внутренней силы постепенно раскрывались.

Се Юнь издал тихий стон.

Телосложение командующего императорской гвардией не было крепким, или, точнее сказать, Дань Чао лишь сейчас вдруг обнаружил, что тот несколько тоньше обычного человека. Мышечный рельеф совсем не выпуклый, тонкий, прилегающий к костям, и из-за этой поджарости создавалось впечатление стройности и изящества.

Дань Чао медленно надавливал вдоль позвоночника, пока не дошел до боков, и остановился в самом глубоком месте талии.

— М-м... — Се Юнь потянулся и хрипло произнес:

— Обслуживаешь неплохо.

Он поднялся с ложа, а Дань Чао отступил в сторону, почему-то его шаги были немного

поспешными, и он чуть не опрокинул фарфоровую вазу для цветов в углу беседки.

— Что такое?

— Ничего, — Дань Чао глубоко вдохнул и холодно сказал:

— Ученик служит учителю — это должное.

Се Юнь фыркнул в ответ:

— Даже если однажды ты взойдешь на трон и провозгласишь себя императором, служить мне — твоя обязанность.

Дань Чао совершенно не знал, что на это ответить, но, к счастью, Се Юнь не стал развивать эту крамольную тему. Он поправил ворот одежды и, не оборачиваясь, вышел из беседки, поманил служанку и приказал:

— Позови экипаж, подготовь для этого монаха всё необходимое для выхода.

Служанка приняла приказ и удалилась. Дань Чао в изумлении спросил:

— Куда... мы идем?

— Со мной во дворец, преподнести лекарство, — прямо ответил Се Юнь, его насмешливый взгляд упал на Дань Чао из-за пределов беседки. — Наследный принц ждет снежный лотос, уже на последнем издыхании, а ты неизвестно где шатался по дороге, то ли в публичных домах, то ли детей рожал, затянул до сегодняшнего дня, только теперь приехал в Чанъань. Ты хоть понимаешь, сколько важных дел у всех из-за тебя пострадало?

На золотом подносе, который поднесла служанка, лежала одежда. Дань Чао перебрал ее и обнаружил, что это совершенно новая униформа дворцовой стражи. Он слегка замер.

— Переоденься, — холодно сказал Се Юнь. — Без нее, не дойдя до Врат Сюанью, тебя застрелят.

Форма стражи была из темно-красного парчового шелка с облачным узором, с подкладкой из белой газовой ткани, пояс с узором летящей рыбы на черном фоне и золотым шитьем, а на рукавах — наручи из того же материала. Крой был исключительно облегающим и строгим. В углу внешней комнаты стояло медное зеркало. Дань Чао оглядел себя с головы до ног и вдруг не сразу узнал в отражении этого крепкого, статного молодого человека самого себя.

Служанка вошла с галереи, держа в руках бронзовый жетон императорской гвардии, и, увидев Дань Чао, на мгновение застыла, затем прикрыла рот рукой и рассмеялась:

— Какой красавец-молодец.

Дань Чао смущенно отвел взгляд и увидел, как Се Юнь тоже вышел из внутренней комнаты, переодевшись, и спросил служанку:

— Нравится?

Служанка сказала:

— Красивый парень — кому не понравится?

Се Юнь улыбнулся:

— Тогда можешь пойти служить ему — но если он сегодня умрет во дворце, ваша судьба с ним не сбудется.

Эти слова были полны скрытого смысла, и в сердце Дань Чао екнуло.

Се Юнь ничего не стал объяснять, взял со служительницыного подноса жетон на кожаном шнурке, подошел и собственноручно прикрепил его к поясу Дань Чао.

Се Юнь тоже переоделся в официальный мундир — впервые в жизни Дань Чао видел его в форме командующего императорской гвардией. Она была обратной по цвету форме обычной стражи: белый парчовый шелк с облачным узором с темно-красной подкладкой, у ворота и на рукавах виднелась красная отделка, а на подоле была вышита темная узорчатая змея, которая при движении переливалась, словно живая.

У человека, достигшего предела во внешних боевых искусствах, как он, телосложение и аура были очень выразительными, но сильно отличались от Дань Чао.

Дань Чао был подобен обнаженному острому мечу — с острой кромкой, бьющей в глаза, и могущественной аурой. А Се Юнь, пройдя через бесчисленные годы шлифовки и испытаний, внешне демонстрировал изящество и власть, но по-настоящему смертоносное лезвие было обращено внутрь.

— Позже, когда войдем во дворец, не открывай рта, не ходи где попало, просто следуй за мной по пятам, — сказал Се Юнь, закрепляя жетон, отступил на полшага, оглядел Дань Чао и добавил:

— Снежный лотос бери с собой.

Дань Чао хотел было еще что-то спросить, но Се Юнь поднес указательный палец к губам, повернулся и ушел.

Восточный внутренний дворец, дворец Дамин.

Экипаж въехал через северные ворота, проехал по длинной улице и остановился перед высокими арочными воротами. Несколько стражников с мечами подошли и отдали честь, попросив командующего спешиться и идти пешком — дальше начиналась территория внешнего двора. Дань Чао вышел из экипажа, поднял голову и увидел, как утренний сероватый солнечный свет пробивался сквозь три высоких прохода ворот. На большой табличке с синим фоном и золотыми узорами отчетливо виднелись три иероглифа.

— Врата Сюанью, — произнес Се Юнь.

Дань Чао мельком взглянул на щели между синими плитами под ногами, но увидел лишь бескрайнюю просторную площадь, а впереди, в легкой дымке, возвышались грозные серые тени Врат Чунсюань и еще более далекого Чертога Ханьян.

— На что уставился? — насмешливо спросил Се Юнь. — Кровь уже давно высохла.

Генерал ночью облачается у Врат Сюанью, спрашивает о покое у пяти врат, обращенных к властителю — с момента инцидента у Врат Сюанью прошло сорок лет. Скрытый наследный принц Цзяньчэн, бывший наследный принц Чэнцян, князь Ци Юаньцзи, князь Вэй Ли Тай, и

даже сам покойный император уже отправились к бессмертным. Золотые воды омывают дворец Тайцзи, на сверкающих водах пруда Тайе отражаются небесные просторы, плывут облака, уносясь к горизонту, исчезая без следа.

Пройдя мимо Северного ведомства, они увидели в конце поперечной улицы уже ожидающего дворцового служителя. Тот подошел и глубоко поклонился:

— Командующий, прошу следовать за мной.

Помедлив, он тихо добавил:

— Императрица уже долго ждет.

Дань Чао почувствовал холод на запястье — Се Юнь на мгновение коснулся его пальцами.

Неясно было, потянул он его или сжал, и трудно было понять, какая эмоция передалась в тот миг, но это длилось лишь мгновение. Затем Се Юнь отпустил руку и вежливо повернулся к служителю:

— Понял, прошу проводить.

Дворец Циннин находился в начале северной поперечной улицы внутреннего дворца, прямо за чертогом Цзычэнь. Примерно через полчаса ходьбы, обойдя сияющие золотом и яшмой дворцовые ворота и пройдя по длинной коридорной галерее из дерева тун, они оказались перед арочными воротами. Вокруг царила гробовая тишина, на отдаленной площади не было видно ни души. Служитель остановился и с улыбкой сказал:

— Командующий, прошу, императрица ждет вас наверху.

Спина Се Юня, казалось, на мгновение напряглась, прежде чем он шагнул через высокий порог.

Тут же позади служитель с улыбкой обратился к Дань Чао:

— Стражник, прошу подождать в боковом чертоге — не желаете ли чаю?

Вопрос прозвучал довольно неожиданно. Дань Чао еще не успел открыть рот, как Се Юнь вдруг сказал:

— Ему ничего в рот не давать.

В воздухе на мгновение повисла напряженность, словно скрытое противостояние. Затем Се Юнь, повернув голову, приказал Дань Чао:

— Будь осторожен, не урони снежный лотос, что в руках держишь.

Едва он произнес эти слова, как лицо служителя изменилось.

Но он быстро совладал с выражением лица, поклонился и ответил:

— Да.

Затем удалился.

Дань Чао смотрел на Се Юня. В его глазах, как в глубоком омуте, отражались лазурные небеса над дворцом Дамин и несколько далеких плывущих облаков.

Осенний ветер с окраины неба налетел, взметнув и переплетая полы одежд и волосы обоих.

Рука Дань Чао, висевшая вдоль тела, дрогнула, затем он протянул перед собой маленький ларец из красного сандалового дерева и тихо произнес:

— Ты...

Но Се Юнь вдруг отмахнулся от него рукавом:

— Лучше позаботься о себе.

Затем повернулся и, не оглядываясь, направился к заднему чертогу, вскоре скрывшись в густых тенях высоких дворцовых залов.

<http://bllate.org/book/15578/1387203>